А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 8** **30 января 2025 года**

О дисциплинарном производстве
в отношении адвоката
В.
по жалобе Г.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя Г. и адвоката В., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г. от 31 августа 2024 года (вх. № .. от 05.09.2024) в отношении адвоката В. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 23 октября 2024 года вынесла заключение:

– о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («*адвокат обязан... честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом*») и п. 1 ст. 7 Кодекса профессиональной этики адвоката («*Адвокат принимает поручение на ведение дела и в том случае, когда у него имеются сомнения юридического характера, не исключающие возможности разумно и добросовестно его поддерживать и отстаивать*»), исполнении адвокатом В. профессиональных обязанностей перед доверителем Г. ., выразившемся в том, что адвокат В., приняв поручение доверителя, подготовила и подала в интересах Г. исковое заявление в Н. районный суд города Москвы,

содержащее требования об установлении факта брачных отношений между доверителем и Б., которые невозможно разумно и добросовестно поддерживать и отстаивать, поскольку в соответствии с п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 года № 9 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» суд не вправе рассматривать заявление об установлении факта нахождения в фактических брачных отношениях, возникших после 08 июля 1944 года;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката В. по жалобе Г. от 31 августа 2024 года (вх. № … от 05.09.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета заявитель Г. пояснила, что согласна с выводами Квалификационной комиссии. Дополнительно сообщила, что адвокат В., ошибочно полагая, что имеется перспектива в рассмотрении искового заявления об установлении юридического факта нахождения в брачных отношениях заявителя с Б., приняла поручение на ведение в Н. районном суде города Москвы дела с подобными требованиями, показав свою юридическую неграмотность. В результате исковое заявление, подготовленное адвокатом В., было оставлено судом без рассмотрения.

Адвокат В., давая объяснения в заседании Совета, не согласилась с выводами Квалификационной комиссии в части установленных нарушений, пояснив, что Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 года № 9 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение», касается положений уже давно не действующего ГПК РСФСР. В связи с этим считает, что правильно сформулировала требования в исковом заявлении, которое было подано от имени заявителя в Н. районный суд города Москвы.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат В. 04 сентября 2023 года заключила с Г. Соглашение № … об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1.1 которого адвокат В. приняла на себя обязательство оказать заявителю юридическую помощь по представлению ее интересов в С. районном суде города Москвы. Вознаграждение адвоката было согласовано сторонами в п. 3.1 Соглашения в размере 100 000 рублей.

Исковое заявление в С. районный суд города Москвы было подано Г. до заключения соглашения с адвокатом В. Предметом спора являлось наследственное имущество умершего Б., которого Г. считала своим законным супругом.

Адвокат В., помимо представления интересов заявителя в С. районном суде города Москвы, оказывала заявителю юридическую помощь, связанную с представлением интересов Г. в Н. районном суде города Москвы по гражданскому делу №…, о чем между участниками также было достигнуто соглашение.

Как указала адвокат В., обращаясь в интересах заявителя в Н. районный суд города Москвы, она преследовала цель добиться признания фактических брачных отношений заявителя с Б. и отсутствия у Б. брачных отношений с супругой – Б. Н.В. В результате обращения с иском в Н. районный суд города Москвы удалось добиться приостановления рассмотрения дела С. районным судом города Москвы, в рамках которого к Г. был подан встречный иск. Кроме того, процессуальными оппонентами заявителя было подано заявление о фальсификации Г. свидетельства о расторжении брака Б. с первой супругой. Целью подачи иска в Н. районный суд города Москвы являлось последующее вступление Г. в наследство умершего Б., с которым заявитель проживала с 2011 года.

Именно в связи с представлением интересов заявителя по указанному выше гражданскому делу, находящемуся в производстве Н. районного суда города Москвы, заявитель Г. выдвинула дисциплинарное обвинение в оказании ей адвокатом В. неквалифицированной юридической помощи, а именно:

– в подаче иска о признании факта состояния заявителя и Б. в брачных отношениях в противоречии с правовой позицией, содержащейся в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 года № 9 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение»;

– в несоблюдении адвокатом В. требований процессуального законодательства к форме и содержанию искового заявления, в связи с чем иск был оставлен без рассмотрения.

Подготовленное адвокатом В. в интересах заявителя уточненное исковое заявление в Н. районный суд города Москвы, на основании которого было возбуждено производство по гражданскому делу № …, содержало следующие требования:

1. Установить факт брачных отношений между Г. и Б., умершим 19 декабря 2022 года, в период с 15 июля 2017 года до момента его смерти;

2. Признать брак между Б. и Б. Н.В. прекращенным с 25 ноября 2006 года.

Оценивая исковые требования, сформулированные адвокатом В. в первом пункте уточненного искового заявления, применительно к соответствующему доводу жалобы и в совокупности с приведенными выше доводами защитительной позиции адвоката В. в письменных и устных объяснениях о неприменимости указанного Постановления Пленума Верховного Суда СССР, Совет отмечает следующее.

Согласно п. 1 ст. 7 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат принимает поручение на ведение дела и в том случае, когда у него имеются

сомнения юридического характера, не исключающие возможности разумно и добросовестно его поддерживать и отстаивать.

Действующее семейное законодательство Российской Федерации не считает браком фактическое совместное проживание граждан. В силу ч. 2 ст. 1 Семейного кодекса РФ на территории Российской Федерации признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2003 года № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», на которое ссылается адвокат В., Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 года № 9 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» действительно не подлежит применению на территории Российской Федерации, но только в части содержащихся в нем разъяснений по применению гражданского процессуального законодательства (ГПК РСФСР, норм ГПК союзных республик в составе бывшего СССР). Иные же содержащиеся в указанном Постановлении правовые позиции подлежат применению и фактически применяются российскими судами. К числу последних относится, в том числе и разъяснение, содержащееся в п. 6 Постановления, согласно которому суд не вправе рассматривать заявление об установлении факта состояния в фактических брачных отношениях, возникших после 08 июля 1944 года.

Совет также отмечает, что согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в его определениях от 17 мая 1995 года № 26-О и от 23 июня 2016 года № 1300-О, правовое регулирование брачных отношений в Российской Федерации осуществляется только государством. В настоящее время закон не признает брак, не зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния; такой брак не порождает правовых последствий.

Адвокат В. как профессиональный советник по правовым вопросам должна быть осведомлена как о приведенных выше правовых позициях высших судов, так и о том, что в Российской Федерации не принят федеральный закон, допускающий возможность установления фактических брачных отношений в судебном порядке. При этом Совет отмечает, что она указала в своих письменных объяснениях номер законопроекта по этим вопросам, внесенного на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и с февраля 2024 года находящегося в стадии предварительного рассмотрения.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что у адвоката В. не имелось оснований принимать и исполнять поручение заявителя Г. на представление ее интересов в суде по делу о признании факта состояния ее и Б. в фактических брачных отношениях, поскольку эти требования не подлежат рассмотрению судами в отношении фактических брачных отношений, возникших после 08 июля 1944 года. По этой причине Совет признает

презумпцию добросовестности адвоката В. в данной части опровергнутой, а ее вину в дисциплинарном нарушении – установленной.

Оценивая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат В. при оказании юридической помощи доверителю тайно вступила в переговоры и, возможно, оказывала юридическую помощь в судебном споре оппоненту заявителя и/или его представителям, Совет соглашается Квалификационной комиссией и приходит к выводу о его необоснованности.

В материалах дисциплинарного производства не содержится никаких доказательств, подтверждающих доводы жалобы в рассматриваемой части. Вместе с тем, согласно пп. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса в жалобе должны быть указаны не только обстоятельства, обосновывающие требования заявителя, но также и доказательства, обосновывающие эти требования. Кроме того, как следует из текста жалобы, довод об оказании юридической помощи процессуальному оппоненту заявителя сформулирован в форме предположения. Таким образом, в данной части презумпция добросовестности адвоката В. не опровергнута.

К такому же выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит в отношении претензий заявителя Г., связанных с формализацией отношений, а именно в невыдаче адвокатом В. заявителю экземпляра Соглашения от 04 сентября 2023 года, а также в том, что заявитель выплатила адвокату В. вознаграждение в размере 400 000 рублей, а не 100 000 рублей, как указано в Соглашении.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что заявитель Г. получила от адвоката В. подписанный экземпляр соглашения, но потеряла его. Это обстоятельство подтвердила сама Г. в своих объяснениях Квалификационной комиссии. Кроме того, заявителем не представлено никаких доказательств, подтверждающих выплату адвокату В. вознаграждения в размере, не предусмотренном Соглашением. Напротив, из материалов дисциплинарного производства следует, что между его участниками отсутствует спор об оплате 100 000 рублей вознаграждения, установленного п. 3.1 Соглашения от 04 сентября 2023 года, и никаких претензий, связанных с оплатой данной суммы, в жалобе не содержится.

Кроме того, Совет отмечает, что в компетенцию дисциплинарных органов адвокатского самоуправления не входит рассмотрение споров и разногласий между доверителем и адвокатом относительно стоимости оказанной адвокатом юридической помощи. Такие спорные вопросы подлежат разрешению ими путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке. С учетом изложенного дисциплинарное производство в части претензий Г. к адвокату В. о невозврате вознаграждения также подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката В. за допущенное нарушение, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом обязательных требований законодательства об адвокатской деятельности и профессиональной этики, а также о недостаточной

профессиональной компетенции адвоката. Такое профессиональное поведение и отношение адвоката к профессиональным обязанностям Совет признает недопустимым. Совет также принимает во внимание причиненный дисциплинарным нарушением вред правам и интересам заявителя. Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат В. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась.

С учетом совокупности указанных обстоятельств Совет предоставляет адвокату В. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональной поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к адвокату В. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также считает необходимым указать адвокату В. на то, что постоянное совершенствование своих знаний самостоятельно и повышение профессионального уровня в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации, является профессиональной обязанностью адвоката, установленной пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Несоблюдение (ненадлежащее соблюдение) этой обязанности создает условия для привлечения к дисциплинарной ответственности.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату В. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат обязан... честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом») и п. 1 ст. 7 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат принимает поручение на ведение дела и в том случае, когда у него имеются сомнения юридического характера, не исключающие возможности разумно и добросовестно его поддерживать и отстаивать»), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г. ., выразившееся в том, что адвокат В., приняв поручение доверителя, подготовила и подала в

интересах Г. . в Н. районный суд города Москвы исковое заявление, содержащее требования об установлении факта брачных отношений между доверителем и Б., которые невозможно разумно и добросовестно поддерживать и отстаивать, поскольку в соответствии с п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 года № 9 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» суд не вправе рассматривать заявление об установлении факта нахождения в фактических брачных отношениях, возникших после 08 июля 1944 года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката В. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**